

В МАЛЕНЬКОМ зале старой ратуши города Пярну шел скрипичный концерт. Выступал Виктор Пикайзен, и этим уже все сказано: зал был полон, галерея наверху тоже, и даже вестибюль был заставлен стульями и банкетками, чтобы и туда через открытые двери доходил живой голос скрипки. Рядом со мной, опираясь на палку, сидел молодой человек. Что-то в нем обращало на себя внимание, хотя он не прилагал к тому никаких усилий, а просто слушал музыку, подчиняясь власти скрипки. И тут я вспомнила, где видела это лицо: на обложке книги. Это был поэт, чьи стихи и поэтические переводы я знаю и очень люблю. Давид Самойлов.

Помните —

Что за радости! Звуки шторма
Возле самого окна.
Ночь безумна и просторна,
непонятна и черна.
Море — тыща колоколен,
ветер — пуще топора
и готов валить под корень
вековые тополя.
Что за радость непогоды!
Жизнь на грани дня и тьмы,
где-то около природы,
где-то около судьбы.

Судьба — слово в поэзии Самойлова не случайное. Судьба — это все то, что сделало человека Человеком и поэтом. Поэтом. Вне судьбы поэта нет и быть не может.

Все есть в стихах — и то и это,
Но только нет судьбы поэта,
Судьбы, которой обречен,
За что поэтом наречен.

Судьба Самойлова — это судьба «лобастых мальчиков невиданной революции», как сказал о своем поколении друг Давида Самойлова по ИФЛИ (институт филологии, литературы и истории) Павел Коган. Они вступали в жизни накануне атой мировой. Их отличала цельность зосприятия жизни и готовность погибнуть за свои идеалы.

Всю войну Самойлов прошел солдатом. Солдату не до стихов, но были письма. Павел Коган погиб в 42-м, но него Самойлов не успел получить ни одного письма. А Борис Слуцкий писал ему регулярно, письма приходили короткими и директивными. Зато Сергей Наровчатов, который работал во фронтовой газете, присылал длинные, подробные письма, да еще со стихами.

В 43-м, после ранения и госпиталя, Самойлов попал в запасной полк в городе Горьком, где напечатал в газете сатирические стихи. Редакция тут же захотела оставить его у себя, и чтобы вырваться на фронт — он хотел только на передозую, — Самойлову пришлось прибегнуть к помощи Ильи Эренбурга. Эренбург спросил его, куда именно он хочет, и Самойлов выбрал Первый Белорусский фронт, где воевал его друг.

ДОМ Давида Самойлова на улице Тоуминга. Поэт рассказывает про войну, про ИФЛИ:

— Эренбург куда нужно позвонил, и вот я, ефрейтор, приезжаю по назначению в город Гомель и вручаю свои документы, а начальство не знает, что со мной делать, потому что у них должности только офицерские. Мне предложили пойти в Военный институт иностранных языков (я ушел на фронт с третьего курса ИФЛИ). Отказался, и направили меня в разведчасть, где я и провоевал до конца войны, до самого Берлина.

— А вы какие языки знаете?

— ИФЛИ вообще давал хорошую лингвистическую подготовку, мы даже латынь зубрили. Я учился на французском отде-

лении, так что переводы с французского делаю без подстрочника. Недавно перевел Рембо. Довольно прилично знаю польский, тоже переводил без подстрочника Кохановского, Норкида, Тувима, Галдинского. Немного знаю чешский, сербский. Изучал албанский — перевел многих албанских поэтов. Этот язык учить сложнее — он стоит особняком, принадлежит к индо-европейской группе. В детстве занимался немецким, что-то осталось в памяти. Английский в жизни не учил, но когда переводил «Двенадцатую ночь» Шекспира, самые темные места мне растолковывали шекспироведы, а остальное понимал сам.

Давид САМОЙЛОВ:

«НАЧНЕМ СПОДРА- ЖАНЬЯ...»

— Значит, ИФЛИ и война — две ваши жизненные школы, определившие ваш путь — человека, поэта, переводчика?

— Поэта и любого человека формирует вся его жизнь, а не только период ученья. К тому же у меня была еще одна Школа, которая очень много мне дала и во многом меня сформировала. В старших классах я учился в необыкновенной школе — на Сущевском валу. Тогда в Москве было всего три таких. Наша называлась Первая опытно-показательная имени Горького. Сейчас это 204-я школа. Никакого специального отбора туда не было, и никаких опытов над нами не производили, но были прекрасные педагоги. Они не просто преподавали предметы, они учили нас думать. В школе была такая творческая атмосфера, что из довольно обычных, нормальных детей выросли талантливые люди. У нас несколько членов Союза писателей, известный журналист-международник, переводчица немецкой и скандинавской литературы, астроном, доцент МАИ, ряд математиков. Закончили мы в 38-м году, и вот уже столько лет прошло, а мы все еще дружим и регулярно собираемся.

Это было первое мое хорошее образование. У нас половина класса закончила с отличным аттестатом. Отдел народного образования прислал даже комиссию для проверки. Оказалось, что все ребята свои отметки честно заслужили. Просто у нас были очень хорошие педагоги. Литературу (это были не уроки, а лекции, как в институте) читал Сергей Андреевич Смирнов, математику преподавал Петр Яковлевич Дорф, известный в Москве педагог.

— После такой подготовки вы, наверное, запросто сдали экзамен в ИФЛИ?

— Экзаменов никаких я не сдавал, потому что окончил школу с отличным аттестатом, а для отличников было только собеседование, в результате которого меня и зачислили. А конкурс был колоссальный для довоенной Москвы — десять человек на место. Очень скоро я вошел в компанию ифлийских поэтов. В нашем институте любили поэзию и очень уважали своих

поэтов. Павел Коган был на два курса старше меня, Сергей Наровчатов — на курс. Помню, как Коган однажды сказал: «А знаете, ребята, все мы будем когда-нибудь в энциклопедии!».

Потом к нам присоединились Михаил Кульчицкий из Литинститута и Борис Слуцкий из юридического. Как-то постепенно мы стали перебираться в Литинститут. Наровчатов — тот учился сразу в трех местах: в ИФЛИ, в ГИТИСе на заочном или вечернем, но помню точно, и еще в Литинституте. Такая вот у нас была поэтическая компания. Нашим наставником и учителем был Илья Сельвинский. Вся московская

поэтическая молодежь ходила к нему на семинар — отчасти из любви к Сельвинскому, отчасти потому, что там давали чай с бутербродами.

— А КАК по-вашему, Давид Самойлович, можно ли научить человека писать стихи, сделать его поэтом?

— Нельзя. Так же как нельзя научить человека быть музыкантом или математиком, режиссером или балериной. Поэтом надо родиться. Но и этого мало: поэтом рождаются, а явлением литературы становятся. Становятся в результате многих сложных процессов. Во-первых, первичного освоения поэтического ремесла, что человеку способному (такому, как, например, Есенин) несложно. Во-вторых, произрастания личности, потому что, даже обладая литературными способностями, но не будучи личностью, ты все равно не писатель. И наконец, третье необходимое слабое — освоение литературной культуры, то есть уровня, на котором находится литература в данный момент. Потому что в литературе человек существует сперва как личность. Личность является частью литературного процесса. И гений не мог бы стоять вне литературного процесса своей эпохи. Пушкин, так сильно продвинувший литературу, имел предшественников... Его поэтика складывалась из существовавших в ту пору элементов, конечно, с привнесением нового. Отношение вклада данной личности к той культурной массе, которую он освоил, трудно вычислить, но без этой культурной массы ни один писатель невозможен. Некоторые молодые поэты думают, что если они будут много читать других поэтов, то те на них повлияют и они потеряют индивидуальность. Это чепуха. Если есть сильная индивидуальность, она усвоит лучшее — даже не лучшее, а нужное для себя. Остальное уйдет. И все вместе сольется в некую личность, непохожую на всех прочих. Невероятно никогда не являлось достоинством литератора, так же как учености сама по себе тоже не делает человека писателем.

— Большинство поэтов во время своего ученичества пишут подражательные стихи, пытаются копировать своих учителей. Был ли у вас такой период?

— Конечно. Это процесс естественный для любого поэта. Мое стихотворение «Стансы» заканчивается так:

Начнем с подражания. Ведь позже
Придется узнать все равно,
На что мы похожи и гожи
И что нам от бога дано.

Сам Пушкин прошел стадию подража-

ния старшим современникам вину, Жуковскому, Батюшкочу, русской литературной школе XVIII века. Школой моего поколения являлась русская поэзия двадцатых годов нашего века, которую мы усердно осваивали. Это подражал Маяковскому, кто Сельвинскому, я — Пастернаку, Мандельштаму и Велемиру Хлебникову. Это очень полезный период усвоения — как в музыкальной грамоте учатся по Баху, а потом приходят к своему. А если не приходят, значит, таланта нет. Значит, личности не получилось.

Многие прекрасно осваивают то, что дают учителя: метод стихосложения. Но не более того. Научиться можно пониманию жанра, пониманию жизненных принципов, эстетических концепций. Но ведь и это еще не все для поэта. Писать ямбом может каждый. В Царскосельском лицее все писали стихи, и у Иличевского получалось не хуже, чем у маленького Пушкина: чисто, гладко, по всем правилам.

— Но было и наоборот: Денис Давыдов поэзии не учился...

— Правильно, тогда профессионалов не было. Пушкина принято считать первым профессиональным литератором. А Денис Давыдов и Лермонтов вообще не готовились в поэты, но в них это зрело. Тогдашнее образование дворян было гуманитарным и в какой-то мере способствовало развитию поэтических дарований. И — среда. У Дениса Давыдова была обширная литературная среда, где он мог соизмериться с поэзией своего времени.

Провести аналогию между литературным образованием нынешним и тогдашним очень трудно: слишком они отличаются. В разные времена поэзия была занятием разного круга. В державинское время — занятием придворным: писали оды. Потом стала занятием светским: писали элегии. Потом занятием гражданским (Некрасов). Потом идейно-философским (Блок).

— Вы гражданские стихи были и до Некрасова: денкабристы, Пушкин.

— Я говорю не про гражданские стихи, а про гражданскую поэзию как род занятий. Гражданские мотивы появились задолго до Некрасова, но именно Некрасов — пора профессионализма, когда гражданская поэзия стала в России общественной деятельностью, гражданской службой.

— Вы остановились на Блоке. А если продолжить?

— После Блока пошло поколение поэтов двадцатых-тридцатых годов, когда положение писателя совершенно другое, чем до революции. Он тесно связан с государственными, социальными задачами. Наиболее чистым явлением такого рода был Маяковский. Его творчество прямо связано с понятием социального заказа. В разных степенях и разных формах социальный заказ существует и в наше время, поскольку поэзия стала не только общественным, но и государственным явлением.

РАЗГОВОР наш затянулся, пора было уходить. На прощанье я решила задать вопрос, возможно, наивный, но для меня важный: как можно узнать поэта, отличить его от других людей? Есть ли в нем что-то особое?

— Не всегда, — ответил Самойлов. — Как известно, «и среди детей ничтожных мира, быть может, всех ничтожней он». Конечно, не по внешнему виду и не по разговору можно судить о таланте поэта, а по его стихам. В этом деле у меня глаз наметанный (очень много стихов мне присылают, особенно молодые). Так что я могу быстро угадать, с кем имею дело, — с трех стихотворений. Поэта угадывают только по стихам...

Да, по стихам, подумала я. Но ведь и мы, обыкновенные читатели и почитатели поэзии, тоже определяем поэта по стихам. По стихам, помогающим любить, жить, бороться, отличать добро от зла. И по тем, что помогают выстоять, когда ты уже на пределе. Как писал Давид Самойлов,

И можно ли страхам и ранам
Позволить себя одолеть?

Лишь память, лишь память дана нам,
Чтоб ею навеки болеть.

СВЕТЛАНА НОВИКОВА.

Наш адрес: 123848, ГСП Москва, Д-22, улица 1905 года, 7. Телефон для справок: 259-50-36. Отдел писем 256-9.